



УДК: 32.019.51

*С.М. Алейникова*

### **«ВУЛЬГАРНОЕ ПОНИМАНИЕ СВЕТСКОСТИ» – ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ИЛИ НОВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ?**

В статье рассматриваются проблемы множественности подходов и интерпретаций светскости государства в действующем законодательстве, научной литературе, выступлениях представителей Русской православной церкви. Автором делается вывод о формировании в российском религиозно-политическом пространстве вариативной модели интерпретаций светскости, предполагающей подготовку необходимого общественного мнения, предшествующего, как правило, разработке и внедрению дискуссионных законодательных инициатив.

#### **Введение**

Политизация религии, активное участие Русской православной церкви (далее – РПЦ) в процессах конструирования новой идентичности и формирования религиозно-политического единства российского общества все чаще влекут отсылки к конституционно закреплённому принципу светскости государства, вызывая острую полемику в обществе.

РПЦ, на сегодняшний день не обладая полномочиями, позволяющими нивелировать данную конституционную норму, становится перед необходимостью переориентации смысла и восприятия категории светскости, адаптировав ее к задачам своей текущей деятельности, политическим запросам и реалиям. В этой связи предметом изучения в статье является ряд интерпретаций понятия светскости в действующем законодательстве, научной литературе, выступлениях представителей РПЦ. Здесь и далее все цитаты приведены со ссылкой на один источник – официальный сайт РПЦ [1].

#### **Светскость «правильная» и «неправильная»**

Анализируя выступления представителей РПЦ, в которых присутствует обращение к категории светскости, следует отметить преимущественно негативную оценку конституционной нормы, предусматривающей светскость государства. Принцип отделения церкви от государства характеризуется как «неверная», «ложно понятая» и «неправильно понимаемая» трактовка, которая «односторонне перетолковывается» и тем самым обуславливает «утрированное», «жесткое, буквалистское», «своеобразное» понимание светскости. Выявление же «правильного», с точки зрения православной церкви, понимания светскости значительно затруднено отсутствием единого подхода и множественностью трактовок светскости прежде всего внутри самой РПЦ.

Так, например, глава РПЦ Патриарх Кирилл объясняет причину провала введения в российских школах «Основ православной культуры» (далее – ОПК) следствием «неверной трактовки... понятия светскости государства». В данном контексте в понимании Патриарха «светское» и «нерелигиозное» равнозначно «атеистическому»: «наши сограждане должны знать, что светская этика – это нерелигиозная, то есть атеистическая мораль», «это атеистическая, нерелигиозная этика».

Светское же (атеистическое) оценивается Патриархом однозначно негативно в русле общей тенденции российской идеологии по демонизации советского прошлого: «А что такое светская этика? Некоторые путают светскую этику со светским этикетом и думают, что будут преподаваться правила поведения: как правильно есть, как сидеть,



как галстук повязывать. Но в этом курсе предложат нечто иное – будет преподаваться атеистическая мораль, как та, что мы с вами изучали в советское время».

Подобную трактовку светскости можно обозначить как наивную и поверхностную, однако в других заявлениях Предстоятель РПЦ призывает «не ставить знак равенства между светскостью и нерелигиозностью», интерпретируя светскость «как идеологическую и мировоззренческую нейтральность», что вызывает вопросы о последовательности и корректности выстраивания Патриархом соответствующего ассоциативного ряда.

Председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского Патриархата В. Чаплин заявляет об «утрированном» и «по-советски примитивном» понимании светскости, в то же время представляя собственную, достаточно неоднозначную конструкцию, последовательно отождествляя светскость:

- 1) с религией;
- 2) с научным мировоззрением;
- 3) с секуляризмом.

В частности, светское мировоззрение отождествляется В. Чаплиным с научным, которое, однако, также «своего рода религия, что базируется на культе человека, и лишь один из возможных человеческих выборов» и поэтому «является одним из вариантов религиозного выбора». Секуляризм соответственно выступает одновременно и как «достаточно длительный исторический эпизод», и «как идеология», и как «мировоззрение»: «секуляризм – это не нейтральное мировоззрение, а лишь один из вариантов мировоззренческого выбора». По существу, нивелирование дифференциации представлений о фундаментальных различиях основных общенаучных и философских категорий влечет отождествление В. Чаплиным: а) светскости (принципа), б) секуляризма (концепции, идеологии) и в) секуляризации (процесса).

Следует отметить, что в церкви присутствуют и другие подходы к пониманию светскости. В частности, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет высказывал несогласие с тем, что «светскость равнозначна атеизму»: «Такое мнение находится в противоречии единой стратегической устремленности Церкви, общественности и государства, – устремленности к формированию полноценной личности».

Аналогичной позиции придерживается Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий, отмечая «неоправданно низкий процент выбора» ОПК, но заявивший, что «светскость – совсем не синоним «атеизма». При этом митрополит Меркурий уточняет понятие светскости в контексте распределения полномочий: «в этом смысле школа не отделена от Церкви. И в светской школе есть, говоря научным языком, сфера совместной компетенции государства и Церкви». С точки зрения Митрополита Волоколамского Илариона, светское также «не синоним атеистического». В то же время митрополит предлагает очередную отсылку к советскому прошлому, не раскрывая смысла светскости: «В советское время нам внушали, что атеизм – это некая общая идеология, а религия есть частное дело отдельных заблуждающихся людей».

Таким образом, анализируя выступления представителей РПЦ, в которых присутствует обращение к светскости, приходится констатировать множественность интерпретаций и отсутствие единого понимания светскости прежде всего внутри самой РПЦ. Однако в конечном же счете все многочисленные характеристики светскости сводятся к дихотомии «неправильное – правильное». «Правильное» понимание светскости, по видимому, предполагает одностороннее отделение государства от религии и ограничивается принципом невмешательства государства в дела церкви. Церковь же, однако, предусматривает за собой аналогичное право по отношению к государству, вплоть до



неподчинения действующему законодательству, обозначенному как возможность «мирного гражданского неповиновения»: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении». Соответственно, церковь подвергается резкой критике и оставляет за рамками рассмотрения правовую, научную и другие «неправильные» трактовки светскости.

### **Светскость: правовой, научный, политический аспекты**

В рассматриваемом контексте логическим завершением дискурса о содержании светского представляется заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина о необходимости ухода от «вульгарного примитивного понимания светскости». В этой связи актуальным становится рассмотрение существующих в настоящее время конституционных правовых границ светскости, закрепленных в действующем законодательстве, научно-практических комментариях Конституции, научной литературе.

Отсутствие нормы о светскости государства в белорусском законодательстве дает основание обратиться к российским правовым источникам.

Так, статья 14 Конституции Российской Федерации закрепляет принцип светскости государства: никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Кроме этого, п. 6 ст. 3 Закона Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает «светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность».

Приведенные нормы согласуются с провозглашенной ст. 28 Конституции РФ свободой совести и вероисповедания и закрепленной ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантией равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии. Свобода совести, являясь неотъемлемым личным правом человека, включается в группу важнейших прав и свобод, составляющих основу статуса гражданина, и находит признание в конституциях демократических стран. В таком правовом контексте она предстает как свобода мировоззренческого выбора относительно религиозного/нерелигиозного восприятия действительности. Различия в мировоззренческих позициях, проявляющиеся в ходе реализации свободы совести, влияют на общий социальный статус индивида или социальной группы, определяют один из срезов социальной дифференциации общества. В демократическом государстве свобода совести традиционно характеризуется равным правовым статусом граждан независимо от наличия или отсутствия у них какого-либо вероисповедания, свободу выражения религиозных и атеистических взглядов, равенством всех религий (религиозных объединений и организаций) перед законом.

В некоторых странах наряду со свободой совести законодательно закреплен принцип светскости – государства, образования и т.д. Анализ научно-практических комментариев Конституции Российской Федерации, а также научной литературы позволяет уточнить содержание и рамки светскости, сложившиеся на сегодняшний день в политико-правовом поле России и Беларуси. Обобщая, их можно обозначить как нейтралитет (безразличие) государства по отношению к любой религии, а также взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в дела друг друга [2, с. 96; 3, с. 164]. Т.Ф. Акчурина кратко сформулировала светскость как принцип «взаимной свободы»: государства от религии и религии от государства [4, с. 57].



В правовом измерении принцип «взаимной свободы» может быть охарактеризован следующими основными положениями. Светскость государства предполагает отсутствие прямого государственного финансирования религиозных организаций; недопустимость обязательного вероисповедания; отсутствие религиозных судов общей юрисдикции; непризнание религиозных норм и актов в качестве источника права. Деятельность органов государственной власти не должна сопровождаться публичными религиозными обрядами и церемониями, а должностные лица не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии и др. [5, с. 31; 6, с. 89; 9].

Обращает на себя внимание, что в более поздних комментариях уже появляется утверждение, что «светское государство нельзя понимать как безоценочное, мировоззренчески нейтральное, не отдающее предпочтение вообще никакому мировоззрению», однако основные правовые характеристики светскости соответствуют приведенным выше [7, с. 57].

Л.Е. Земляков предлагает дифференцированный подход, рассматривая многоаспектность светскости государства как: 1) основы конституционного строя; 2) политико-правового принципа; 3) политико-правовой характеристики государства; 4) политико-правового института; 5) политико-правового требования; 6) системы политико-правовых отношений; 7) политико-правового процесса. Системообразующими же элементами политико-правового института светскости государства являются отделение религиозных организаций от государства, а также недопустимость установления обязательной для граждан идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп [8, с. 32–33].

Таким образом, принцип светскости и отделения церкви (религиозных организаций) от государства можно обозначить как взаимное невмешательство в деятельность друг друга, обеспечиваемое юридически закрепленным разграничением сфер полномочий, прав и обязанностей сторон, т.е. четким разделением их компетенции.

Следует отметить, что подобная позиция согласуется с формулировкой, содержащейся в «Основах социальной концепции РПЦ» – программном документе РПЦ, предлагающем достаточно четкое определение позиции Церкви относительно принципа светскости, который «предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга».

### **Заключение**

Анализ законодательства, научно-правовых комментариев и официальных документов РПЦ позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день официальная церковная и политико-правовая характеристики светскости государства в целом совпадают, что вызывает вопросы относительно:

- а) обоснованности дискуссий по данной проблеме;
- б) наличия в российском обществе адекватного представления о существующих правовых границах принципа светскости государства;
- в) знакомства отдельных представителей РПЦ с соответствующими положениями Основ социальной концепции и другими программными документами самой РПЦ.

В то же время формулирование итогового тезиса о «вульгарном примитивном понимании светскости» дает основание говорить о последовательном формировании в религиозно-политическом пространстве вариативной модели интерпретаций светскости,



предполагающей возможное нивелирование данной конституционной нормы и дальнейшее ужесточение российского законодательства в сфере свободы совести.

Границы нового понимания светскости, механизмы замещения восприятия «неправильной» трактовки на «правильную» лишь предстоит обозначить, что, по-видимому, станет в ближайшее время актуальным предметом научной разработки в рамках общественно-политических дисциплин в перспективе развития нового этапа конституционного развития страны.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru>. – Дата доступа : 15.07.2013.
2. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А.С. Автономов [и др.] ; рук. авт. коллектива и отв. ред. В.А. Четвернин / Центр конституц. иссл. Моск. обществ. науч. фонда. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1997. – 702 с.
3. Конституция Российской Федерации : науч.-практ. коммент. / Т.Е. Абова [и др.] ; под ред. Б.Н. Топорнина / Ин-т гос-ва и права РАН. – М. : Юристъ, 2003. – 830 с.
4. Акчурина, Т.Ф. Российское государство и принцип светскости (аналитический обзор) / Т.Ф. Акчурина // Пространство и Время. – 2011. – № 3. – С. 55–65.
5. Борисов, А.Б. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с комментариями Конституционного суда Рос. Федерации / А.Б. Борисов. – М. : Книжный мир, 2009. – 271 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации ; под общ. ред. Л.В. Лазарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Новая правовая культура, Проспект, 2009. – 520 с.
7. Конституция Российской Федерации. Постатейный науч.-практ. коммент. Коллектива ученых Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина / под рук. Е.И. Козловой. – М. : Библиотечка РГ, 2009. – 382 с.
8. Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. – Т. 1 : Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – 292 с.
9. Бархатова, Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Е.Ю. Бархатова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497/>. – Дата доступа : 25.09.2013.

***Aleinikova S.M.* «Vulgar Understanding of Good Breeding» – Political Mythopoeetry or a New Way of Development?**

In the article problems of plurality of approaches and interpretations of good breeding of the state in the current legislation, the scientific literature, statements of representatives of Russian Orthodox Church are considered (examined). The author judges formation in the Russian political space models of interpretations of the good breeding supposing preparation of a necessary public opinion, previous development and to introduction of debatable legislative initiatives.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.10.2013